

УДК 94(470):316.3

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ КУРОРТНОГО ОТДЫХА В СССР**Л. А. Кузнецова*

Раскрывается трансформация образа советского курорта в соответствии с идеологическими поисками советской власти. Традиционно курорт воспринимался как пространство свободы, в том числе в сфере отношения полов. Идеологическая составляющая курортного отдыха в СССР так и не была достаточно четко сформулирована, советский курорт репрезентировался, следуя дореволюционным схемам, как место определенной сексуальной свободы.

Ключевые слова: курортный отдых, нормы поведения, гендер, пространство свободы, курортный роман.

Пожалуй, определяющая характеристика курорта – его внеповседневность¹. Находясь на курорте, человек оказывается исключен из привычного ритма жизни, помещен в условия с особыми правилами и практиками.

XIX век оставил представление о курорте как о пространстве свободы, где стираются социальные границы, а нормы и запреты становятся менее строгими. Н. Крючкова на примере английского курорта Брайтона показывает, что там «меньше требований выдвигалось в отношении подходящей одежды или соблюдения ритуалов, в отношении пристойности» [Крючкова, 2007, с. 204]. Ф. Грей в своем монументальном труде также размышляет о преодолении социальных шаблонов. Рассматривая пляж – обязательную часть каждого морского курорта, он склонен воспринимать его как «сферу непрерывных изменений, пляж в пространственном смысле расположен на кромке, но и в культурном отношении находится как бы на краю общества, открывая возможность отойти от принимаемых за норму кодов повседневного поведения» [Грей, 2009, с. 162]. О том, что российские курорты в XIX в. допускали большую степень личной свободы, говорится и в исследовании А. Мальгина «Русская Ривьера», которое посвящено Крыму [Мальгин, 2004].

Представление о курортном отдыхе было зафиксировано в произведениях русской литературы, таких как «Герой нашего времени» М. Лермонтова и «Дама с собачкой» А. Чехова. Вряд ли можно говорить о том, что эти авторы создали образ курорта, тем не менее они оказали большое влияние на его формирование и закрепили его в культурных схемах современников и потомков.

В связи со сказанным возникает вопрос: как изменилось представление о курорте как о месте свободы в Советском Союзе, в частности, в сфере взаимоотношения полов?

Кардинальные попытки сформировать новый образ советской здравницы были предприняты в 1920-е гг. Врачи-курортологи предложили новую концепцию курортного отдыха. Они видели здравницы лишеными «буржуазных излишеств», функциональными и – самое главное – имеющими исключительно лечебную функцию. Курортный отдых не рассматривался как отдых в привычном понимании. Элементы привычного досуга (поездка в город, отлучение из санатория, игра в карты, употребление крепких напитков, частое посещение родных) были под запретом, поскольку «поездка в город легко может закончиться свиданием с друзьями в трактире, посещение родных – посеять в душе больного ряд семейных и домашних забот, волнующих его, а все это дурно отзываться на боеспособности организма и потому сурово изгоняется из санатория» [Консторум, 1925, с. 16].

Однако уже в первой половине 1930-х гг. произошла смена культурной парадигмы: обнаружился отказ от идеалов революции в пользу более традиционных, или «мещанских», ценностей [Волков, 1996, с. 203–221]. В результате появлялись образцы культурной жизни, в некоторых чертах имитирующие стиль жизни образованных слоев дореволюционного общества. Вернулось и представление о курорте как «парадизе», свободе и гедонистическом удовольствии в роскошных интерьерах.

Произведения советского искусства эксплуатировали именно этот образ, нам практически не встретилось изображение здравницы как аскетичного, лечебного места, предложенное в 1920-е гг. В советском кинематографе на протяжении многих лет изображение курорта менялось мало: и

фильмы 1930-х гг. («О странностях любви», 1935–1936; «На отдыхе», 1936; «Девушка спешит на свидание», 1936), и послевоенные кинокартины («Безумный день», 1956) и позднесоветские ленты (яркими примерами являются «Любовь и голуби» и «Будьте моим мужем») – это комедии, не имеющие идеологического наполнения. В них герои не борются с врагами, не занимаются самосовершенствованием и не повышают сознательность. Они просто наслаждаются отдыхом – в красивых санаториях на фоне замечательных пейзажей. Образ советского курортника – это образ здорового, довольного человека, который радуется жизни. Общим для этих фильмов является и то, что курорт изображается как место, где все так или иначе вовлечены в любовные или сексуальные отношения.

В литературе тема курортов не получила большого распространения, однако редкие и короткие упоминания находятся в том же ключе. Примером этого может служить известная пьеса «Мой друг» Н. Погодина (1933). О курортах в пьесе говорится вскользь – главным героем, со снисхождением обращающимся к своему другу: «Не болей, сын, пустим завод до срока, поедem с тобой на курорты... У-ух!.. Пройдем по парку – и все женщины, как жито, полягут перед нами!» [*Погодин, 1935*].

Следует отметить и тот факт, что в СССР практически не было таких домов отдыха, где бы трудящийся мог провести свой отпуск вместе с семьей [Улучшить работу..., 1950]. Во многом это было связано с практикой распределения путевок и существованием ведомственных здравниц: если супруги работали в разных учреждениях, то, как правило, они не могли получить путевки в один и тот же санаторий. Но, даже если им это удавалось, в санаториях не предусматривались семейные комнаты. Были построены лишь несколько здравниц, где были комнаты для семей. Например, в правительственном санатории «Барвиха», построенном в 1933 г. по проекту архитектора Б. Иофана [*Иофан, 1933, с. 24*], в санатории Наркомтяжпрома в Кисловодске (архитектор М. Гинзбург, 1938 г.), где ячейка семейного корпуса состояла из двух комнат общей площадью до 45 кв. м с балконом-лоджией и санитарным узлом [*Залеская, 1938, с. 54–63*]. Однако подобные эксперименты были возможны лишь в 1930-х гг. Общим для санаториев было то, что все отдыхающие делились по гендерному признаку и жили в комнатах по 2–8 человек. Если же семья все-таки хотела провести отпуск вместе, то существовала следующая практика: один из членов семьи получал путевку в санаторий, а остальные снимали жилье в частном секторе. Но чаще всего на курорт ездили, оставив семью дома.

Говоря о гендерном аспекте курортного отдыха, невозможно избежать обращения к такому явлению, как курортный роман. Несмотря на анекдотичность, ситуации курортных романов могут многое сказать о советских реалиях.

Один из первых вопросов, касающихся курортных романов, – о масштабах явления. Архивные материалы и данные периодической печати не дают ответа на этот вопрос. Только в журнале «Огонек», в сатирических зарисовках о курортном отдыхе, затрагивается эта тема. Интересно, что роман между случайными знакомыми в этих фельетонах изображался не как адюльтер, или начало большой любви, или нарушение санаторного режима, а всегда как очень комичная ситуация [*Комляр, 1945, с. 15; Дыховичный, Слободской, 1953, с. 30*]. Таким образом, судить о масштабах явления мы можем только на основании устных интервью, в которых, кстати, курортные романы также упоминаются в сатирическом ключе.

Однако свидетельства очевидцев по данному вопросу расходятся. Большая часть информантов (шесть из восьми) утверждают, что курортные романы были обычным явлением, но лишь немногие из этих шести смогли вспомнить конкретные случаи. При этом можно отметить закономерность: те, кто отдыхал во всесоюзных здравницах, говорят о распространенности практики, отдыхавшие в местных санаториях утверждают обратное.

Возможно, пространство всесоюзных курортов, которые находились далеко от дома, в которых отдыхали люди из разных частей страны, незнакомые друг другу, не препятствовало возникновению более близких отношений. В подобной ситуации, когда социум вокруг носил временный характер, люди могли меньше беспокоиться о своей репутации и своем статусе, поскольку они тоже оказывались временными.

Однако пребывание в местных небольших санаториях и домах отдыха, принадлежавших определенному заводу или фабрике, не носило печати свободы, как южный отдых. В местных здравницах, как правило, собирался коллектив людей, более-менее знакомых по работе. Так, один

из информантов, Т. В. Бурлылова рассказывала, что в дом отдыха завода им. Свердлова она всегда ездила со своими коллегами². Именно она не могла вспомнить ни одного случая курортного романа.

Более того, локальность местных здравниц могла влиять на восприятие курортных романов: поскольку соответствующие отношения не обязательно должны были закончиться после пребывания на курорте, они могли восприниматься не только как увлечение. Один из информантов, И. Е. Брук, на курорте познакомился со своей будущей женой. Отметим, что информант неохотно отвечал на личные вопросы, а относительно обстоятельств заключения брака сказал: «Я с ней познакомился, и все... Потом она мне показала паспорт, что она не замужем. Ну что мне остается делать, приехали домой, значит, у меня была квартира, у нее не было, она в общежитии жила. Я пригласил ее к себе на квартиру, вот так... поженились»³.

Немалое значение, по-видимому, имело отношение руководства курорта к курортным романам. Например, согласно воспоминаниям бывших работников, в санатории «Усть-Качка» Пермской области в 1950-х гг. (точнее определить дату информанты затрудняются) был случай, когда двое отдыхающих были отправлены домой раньше срока окончания путевки за «нарушение санаторного режима» – за курортный роман. Информанты сообщают, что о поведении «нарушителей» руководство курорта сообщило по месту их работы⁴. Однако те из опрошенных, кто отдыхал на всесоюзных курортах, утверждают, что подобное порицание и наказание в центральных здравницах не практиковалось.

Если на курортные романы между отдыхающими смотрели зачастую сквозь пальцы, то отношения отдыхающих с работниками курорта считались недопустимыми. Нужно отметить, что подобные отношения в отличие от курортных романов между отдыхающими были более обычным явлением. Например, в архиве санатория Усть-Качка упоминается о нескольких подобных ситуациях. В 1948 г. сторож Смирнова была уволена, а сторож Тулаева получила выговор за то, что они в ночь с 8 на 9 апреля 1948 г. «пригласили к себе 2-х молодых людей с балалайкой, забрались в комнату к Директору и проводили там время»⁵. В 1953 г. санитарки Ончукова и Жуланова были сняты с работы за «организацию пьянок на дому с больными»⁶. Случалось, что работники курортов обвинялись в проституции. Так, 9 января 1928 г. члены ВКП(б) ячейки ОСИК г. Сочи обсуждали вопросы о чистке аппарата и учреждений сочинского Курупра. Среди прочих «чуждых элементов», «бывших офицеров», «антиобщественников» и «бывших дворян» упоминалась Гаврилова – служащая на Мацесте, которая «занималась проституцией с больными санатория, антисоветский элемент»⁷.

К сожалению, информации о подобных случаях очень мало – она, как правило, отражалась только в документах временного хранения, и нам случайно удалось ее найти. Проблема проституции на курорте не становилась предметом «большого» обсуждения, ни на уровне государства, ни на уровне отдельного курортного района. Дело в том, что чаще всего этот вопрос рассматривался в рамках другого вопроса, который более беспокоил руководство здравниц, – кадрового вопроса.

В 1920-х гг. проблема кадров стояла особенно остро. С разворачиванием сети санаториев и увеличением в них количества мест возникла необходимость обеспечить их персоналом. Однако его, как администраторов и медиков, так и санитарок, не хватало. Проблема осложнялась тем, что большинство санаториев имели сезонный характер и не работали в зимний период. Поэтому было довольно трудно найти сотрудников, которые согласились бы работать в санаториях временно и искать другое место работы в период их закрытия.

Единственный выход из положения в Наркомздраве видели в переводе санаториев на круглогодичную работу: «Благодаря круглогодичному функционированию курортов мы будем иметь настоящие кадры, честно и преданно работающие на пользу социалистического строительства»⁸. Именно такая цель ставилась уже с начала 1920-х гг. Однако достижение ее требовало серьезных финансовых вливаний, поэтому осуществление данного проекта шло медленно. Так, даже в конце 1930-х гг. эта проблема оставалась достаточно острой⁹. Фактически только в послевоенный период завершился перевод всех санаториев в режим круглогодичного функционирования. Но это не решило всех кадровых проблем: значительной оставалась «текучка» кадров как в центральных, так и в местных санаториях: «На курортах наблюдается большая текучесть кадров. По Сочи – Мацестинскому курорту в 1936 г. сменилось 60% всего состава работников» [*Заславский*, 1937, с. 80]. В отчете инспекции по курорту Усть-Качка 1954 г. отмечалось, что «подбор, расстановка и воспитание

кадров в санатории производились без достаточного изучения их политических и деловых качеств, что породило большую текучесть и довольно частые перемещения многих работников. Так, за 1954 г. было принято 71 человек, уволено 67 человек и сделано 177 перемещений работников с одной должности на другую»¹⁰. Из источника неясно, что именно подразумевалось под политическими качествами работников и как предполагалось их проверять, однако обвинения в плохом подборе кадров не были безосновательными – поведение младшего медицинского персонала нередко вызывало нарекания. Один из информантов, В. А. Каменских, которая в двадцать лет приехала на курорт в конце 1940-х гг. работать медсестрой, вспоминала о хамстве санитарок – «фумяных толстых девок»¹¹. Она отметила, что младший обслуживающий персонал набирался из жителей окрестных деревень, поэтому их поведение и профессиональная подготовка не всегда соответствовали необходимому уровню. Видимо, похожая ситуация была и на других курортах. Эта проблема решалась комплексно: организацией курсов для старшего и младшего персонала, постоянной работой над повышением квалификации и т.д.

Говоря о проституции, нужно отметить, что она существовала не только на курортах. И. Орлов обращает внимание на то, что отнюдь не нэпманы были главными потребителями услуг проституток: «если в 1920 г., согласно результатам опросов, в Петрограде к услугам проституток прибегали 43% рабочих, то в 1923 г. продажной любовью пользовался уже 61% мужчин, трудившихся на фабриках и заводах» [Орлов, 2010, с. 143]. Мы не располагаем статистикой проституции на курортах, вряд ли она вообще существует. Однако важно заметить, что отдыхающими на курортах горожанами чаще воспроизводились привычные схемы (обращение к услугам проституток), чем более «романтические» стратегии курортного романа.

Тем не менее, обсуждая гендерный аспект курортного отдыха, следует помнить, что у нас до сих пор нет сколько-нибудь весомых свидетельств половой распущенности курортников. В связи со сказанным необходимо привести мнение Ф. Грея по поводу несоответствия реальных гендерных отношений на курорте и их привычных репрезентаций. Ф. Грей упоминает об исследовании, которое в 1930-х гг. члены общественной социологической организации Mass-Observation провели в Блэкпуле. Они изучали интимную жизнь отдыхающих и выяснили, что вопреки прилипшему к нему «сексуальному мифу» Блэкпул – удивительно высоконравственный город [Грей, 2009, с. 106]. На наш взгляд, мы можем отчасти экстраполировать эти выводы и на советские курорты.

Конечно, данный вопрос оказывается вписанным в более широкую проблему эволюции института брака и семьи в СССР, гендерных стратегий и социальной политики государства. Следует, например, вспомнить о том, что 18 декабря 1917 г. вышел декрет «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния», в котором церковный брак был лишен правового значения, а гражданский брак узаконен. В 1926–1944 гг. совместная жизнь супругов без регистрации в ЗАГСе приравнивалась к браку, официально зарегистрированному государством.

Кроме того, необходимо отметить тенденции к разрушению семьи, формированию коллективного быта, которые проявились в 1920-х гг. (свидетельством нигилизма в семейной сфере можно считать продолжительные прения о самом понятии «семья» на IV Всероссийском статистическом съезде в 1926 г. [Орлов, 2010, с. 140]), и к возврату семейных ценностей во второй половине 1930-х гг., завершившемуся принятием в 1936 г. закона о запрете абортов. При характеристике послевоенного периода следует помнить о сложной демографической ситуации в стране, когда количество женщин детородного возраста значительно превосходило количество мужчин.

Несмотря на меняющийся контекст, вопросы гендерных отношений в здравницах не становились темой обсуждений. В произведениях советского искусства курорт репрезентировался как место определенной сексуальной свободы, причем как констатация факта без какого-либо осуждения. Неудивительно, что этот образ курорта закрепился в культурных схемах: и сейчас одна из самых частых ассоциаций к слову «курорт» – курортный роман. Насколько это соответствовало реальности – сказать трудно, однако интересно то, что Советское государство не было против репрезентации курорта как места свободы, в том числе в гендерных отношениях.

Примечания

¹ Здесь и далее в тексте будет подразумеваться замкнутый курорт (санаторий, дом отдыха, пансионат).

² Интервью с Т. В. Бурьловой // Архив автора. 2007 г.

³ Интервью с И. Е. Брук // Архив автора. 2007 г.

⁴ Интервью с А. В. Елькиной, В. А. Каменских // Архив автора. 2007 г.

- ⁵ Приказ № 60 по Молотовскому областному бальнеологическому курорту «Усть-Качка» 9.04.1948 г. // ПермГАНИ. Ф. 2903. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 31.
- ⁶ Приказ №34 по Бальнеологическому санаторию Усть-Качка ЦК Союза рабочих угольной промышленности от 18 февраля 1953 г. // Архив ЗАО «Курорт Усть-Качка». Ф. 1. Оп. 2. Ед. хр. 3. Россыпь.
- ⁷ Протокол совещания членов ВКП(б) ячейки ОСИК, работающих в учреждениях // Архивный отдел администрации г. Сочи. Ф. Р-24. Оп. 1. Ед. хр. 79. Л. 11 – 18.
- ⁸ Стенограмма совещания директоров и главных врачей курортов Союзкурорта НКЗ СССР от 27 февраля 1938 г. // ГАРФ. Ф. р-9228. Оп.1. Ед. хр. 23. Л. 51.
- ⁹ Там же. Л. 19. См. также: Протокол совещания при Союзкурорте начальников курортных управлений Наркомздравов республик от 26.03.1938 г. // ГАРФ. Ф. р-9228. Оп. 1. Ед. хр. 24. Л. 17.
- ¹⁰ Акт 20 декабря 1954 г. // ПермГАНИ. Ф. 2903. Оп. 1. Ед. хр. 26. Л. 26.
- ¹¹ Интервью с В.А. Каменских // Архив автора. 2007 г.

Библиографический список

- Архив ЗАО «Курорт Усть-Качка». Ф.1. Оп. 2. Ед. хр. 3.
- Архивный отдел администрации г. Сочи. Ф. Р-24. Оп. 1. Ед. хр. 79.
- Волков В. Концепция культурности, 1935–1938 гг.: Советская цивилизация и повседневность сталинского времени // Социол. журн. 1996. № 1/2.
- Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).Ф. р-9228. Оп. 1. Ед. хр. 23, 24.
- Грей Ф. История курортов: архитектура, общество, природа. М., 2009.
- Дыховичный Вл., Слободской М. Курортное увлечение // Огонек. 1953. № 32.
- Залеская Л. Санаторий Наркомтяжпрома в Кисловодске // Архитектура СССР. 1938. № 1.
- Заславский Д. Итоги 2-1 сессии Центрального научно-курортного совета // Вопр. курортологии. 1937. № 2.
- Иофан Б. Санаторий в Барвихе // Архитектура СССР. 1933. № 6.
- Консторум С. Для чего нужны санатории. Задача санаторий и санаторное дело в Москве. М., 1925.
- Котляр С. Одиночество // Огонек. 1945. № 38.
- Крючкова Н. Социальные трансформации морского курорта (на примере Брайтона конца XVII–XIX вв.) // «Курорт» в дискурсивных практиках социогуманитарного знания: матер. междунар. конф. (Пятигорск, 27–29 апр. 2007 г.). Ставрополь; Пятигорск; М., 2007.
- Мальгин А. Русская Ривьера. Симферополь, 2004.
- Орлов И.Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М., 2010.
- Пермский государственный архив новейшей истории (ПермГАНИ). Ф. 2903. Оп. 1. Ед. хр. 7, 26.
- Погодин Н. Мой друг: представление в 3 действиях с эпилогом. М., 1935.
- Улучшить работу профсоюзных здравниц // Труд. 1950. 29 июня.

Дата поступления рукописи в редакцию 18.10.2011